

Валерий М. Мокиенко
Санкт-Петербург, Грайфсвальд

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ И СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ (СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ)

XIV Международный Конгресс славистов для фразеологии и фразеологов — особый. Впервые в истории таких конгрессов и в истории существования Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов (основанной в 1978 г. на VII Конгрессе славистов в Загребе) фразеологическая проблематика выделена в особый, специализированный блок — „Славянская фразеология в синхронии и диахронии”. Это даёт возможность всем фразеологам-славистам ещё более концентрировать свои усилия на самой актуальной проблематике, позволит укрепить уже давно налаженные научные контакты и обеспечить ещё более оперативную координацию и кооперацию. Докладчикам важно создать наиболее актуальную для нашей дисциплины зону обсуждения, в тезисном порядке сформулировать те проблемы, которые частично уже решены, но продолжают оставаться злободневными, а которые ещё нуждаются в интенсивной и новаторской разработке.

Интерес к фразеологии (*resp.* идиоматике, пословицам и поговоркам, паремиологии) в Европе, как известно, пробудился уже в средневековье и особенно усилился в период Возрождения, когда в пословицах и поговорках начали усматривать отражение национального духа языка и культуры. Коллекции пословиц Эразма Роттердамского, Мартина Лютера, Яна Амоса Коменского во многом были ориентированы именно на поиски того, что в современной лингвистике называют когнитологией или „языковой картиной мира”. Тем не менее, несмотря на обилие паремиологических собраний славянской идиоматики и их этнографических, фольклорных и т. п. комментариев, европейская фразеология долго оставалась областью культурологии, лингвистические методы её изучения не были разработаны и востребованы.

Известно, что фразеология как самостоятельная отрасль лингвистики начинается с послевоенного периода, когда в 1946 году профессор

В. В. Виноградов прочёл свой доклад на научной конференции Ленинградского университета. Две его статьи (Виноградов 1946, 1947), выросшие из этого доклада, где предлагалась структурно-семантическая классификация русских фразеологических единиц (ФЕ), надолго определили направления исследований русской и славянской фразеологии не только в России, но и во многих странах Европы.

Разумеется, классификация В. В. Виноградова и принципы лингвистического исследования ФЕ, предложенные им, не возникли на пустом месте. Сам Виноградов подчёркивал, что исходит из стилистической теории Шарля Балли, ученика Фердинанда де Соссюра, и излагал основы его классификации, внося в неё существенные изменения и давая собственную интерпретацию фразеологизмов как особых языковых единиц. Предтечи собственно лингвистической интерпретации фразеологии были у теории В. В. Виноградова и в самой России. Так, оригинальные фразеологические идеи высказывал Е.Д. Поливанов, а И. Е. Аничков ещё до войны подготовил диссертацию, целиком посвящённую обоснованию лингвистического подхода к фразеологии, в которой немало интерпретаций, близких к теории В. В. Виноградова. Его труд, правда, опубликован лишь недавно (Аничков 1997), поэтому он не смог оказать столь большого влияния на развитие фразеологии, как статьи В. В. Виноградова.

Авторитет акад. В. В. Виноградова и „массовый”, коллективистский характер советского языкознания во многом определили — особенно в русистике — тотальное увлечение синхронными аспектами фразеологии. Его классификация стала хрестоматийной, ей подчиняли функционально-семантический анализ не только одного языка, но и матрицу межъязыкового сопоставления, транслятологические штудии и т.д.

Тем не менее, достаточно быстро бывшим другом и ровесником В. В. Виноградова, ленинградским профессором Б. А. Лариным было сформулировано и теоретически разработано второе направление анализа фразеологии. Если В. В. Виноградов заострил внимание на синхронных аспектах исследования фразеологии, то Б. А. Ларин демонстрирует значимость диахронических подходов к ней и предлагает поэтапную методику историко-этимологического анализа ФЕ (Ларин 1956). Большое значение при таком анализе придаётся сопоставлению с разными языками и постоянному учёту культурологического фона и исторической ретроспективы. Как славист Б. А. Ларин подчеркнул и методологическую ценность использования в диахроническом анализе фразеологии диалектного (особенно украинского) материала (Ларин 1959).

Синхроническое и диахроническое направления фразеологии остаются актуальными и в современной славистике, обнаруживая время от времени зоны их достаточно интенсивного пересечения. Собственно говоря, из концептуальных импульсов, заданных более чем полвека тому назад В. В. Виноградовым и Б. А. Лариным, и выросла современная славянская фразеология. Детализированный обзор всех её направлений потребовал бы специального монографического пространства, ибо число славистических публикаций по фразеологическим проблемам уже превышает 60 тысяч наименований. В библиографических справочниках (В. Н. Сергеев, Л. И. Ройзензон, А. М. Бушуй, S. Baĉa, А. А. Ивченко, J. Lichtenberg, Л. И. Степанова и др.), специальных терминологических словарях (K. Günther, А. М. Бушуй, В. М. Мокиенко и др., А. Бирих, С. С. Волков, Т. Г. Никитина, P. Āurĉo, J. Mlacek и др.) и аналитических обзорах (Eismann 1999; Mlacek 2007; Chlebda 2003; Mokienko 2007 и др.), обобщающих достижения фразеологов в разных славянских странах, уже сделаны попытки представить такого рода исследования в виде сводных баз данных. Некоторые из обзоров (напр., Chlebda 2003) по сути дела являются конденсированными монографиями, дающими не только информацию об исследовании фразеологии того или иного славянского языка, но и выстраивающими иерархию её наиболее злободневных проблем.

Практически в каждой славянской стране уже изданы и обобщающие монографии по фразеологии соответствующего языка. Новейшими из них, например, являются книги проф. Антицы Менац *Hrvatska frazeologija* (Менац 2007), где синтезируется многолетний опыт лингвистического исследования хорватских ФЕ и их лексикографического описания, и монография Й. Млацека о парадигматике словацкой фразеологии (Mlacek 2007). Показательно и то, что недавно была восполнена и определённая лакуна в монографическом исследовании македонской фразеологии — опубликованы *Очерки по македонской фразеологии* Снежаны Велковской (Велковска 2002) и монография Катерины Вельяновской по фразеологическим соматизмам в македонском языке (Велјановска 2006). Многоаспектное описание давно получили фразеологические системы таких славянских языков, как русский, украинский, белорусский, польский, кашубский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, словенский, болгарский, сербский. К конгрессу славистов в Охриде подготовлена и коллективная монография *Frazeologia* (представляющая собой 3-ий том серии *Komparacija sistemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich* 2008), в которой авторы анализируют современное состояние большинства фразеологических систем современной Славии. Это даёт возможность подвести

некоторые итоги и попытаться определить наиболее перспективные направления в будущем.

Каковы же доминанты синхронических и диахронических исследований славянской фразеологии на сегодняшний день?

Во многом они продолжают разработку теоретических и практических проблем, выросших из первоначальных лингвистических импульсов изучения фразеологии как самостоятельной дисциплины. Одной из всё ещё актуальных, хотя и уже не столь острых проблем, которая в разных лингвистических традициях по-разному решается, является **проблема статуса ФЕ в языковой системе**. До сих пор не решён вопрос о том, является ли фразеология особым, самостоятельным уровнем языковой системы, или всё-таки остаётся частью лексического или синтаксического уровня. По многим параметрам уровневая самостоятельность фразеологии доказуема (Мокиенко 2004), тем не менее при разных аспектах исследования соположенность ФЕ и с лексемами, и с синтагмами разного типа, и культурологически насыщенными единицами несомненна и требует специального рассмотрения. Несколько потеряли свою интенсивность бурные некогда дискуссии о самом термине „фразеологизм”, границах фразеологии и критериях её определения. Хотя большинство фразеологов-славистов эксплицитно или имплицитно признаёт узкое понимание фразеологизмов, т.е. трактует их как относительно устойчивые, воспроизводимые, экспрессивные сочетания лексем, обладающие (как правило) целостным значением (Бирих, Волков, Никитина 1993: 89), в разных исследовательских и прагматических целях допускаются и широкие трактовки ФЕ — от композит, т.е. так называемых „однословных фразеологизмов” (*Einwortphrasemen*; Eckert, Günther 1992), до воспроизводимых в готовом виде мини-текстов (например, при анализе интертекстом).

Диалектическое отношение к некогда спорной проблеме границ фразеологии — не только свидетельство теоретической зрелости фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины, но и результат многолетней лексикографической практики. Именно работа над многочисленными славянскими фразеологическими словарями (см. материалы конференции: *Frazeografia słowiańska* 2000) показала целесообразность вышеприведённой квалификации ФЕ. При этом не элиминирован и тип словарей с более широким охватом словника: например, в *Русско-хорватском фразеологическом словаре* (Menac, red., 1979–1980) и *Русско-немецком фразеологическом словаре* (Petermann, Hansen-Kokorus, Bill 1995) в состав словника включены и составные полутерминологические наименования, и некоторые номенклатурные единицы, и даже отдельные ономастические номинации. Широкий

подход к фразеологии оправдывает себя и при разработке общей типологии словосочетаний (в духе М. М. Копыленко и З. Д. Поповой) или в компонентном анализе единиц разного типа — напр., соматизмов, цветообозначений, анимализмов и т.д.

Весьма продвинутым аспектом исследования славянской фразеологии оказывается и **аспект стилистический**. Первоначально он был почти целиком зависим от традиционной классификации В. В. Виноградова и ориентировался на неё. Исследование же фразеологии отдельных авторов показало, что во фразеологической стилистике специального рассмотрения требуют два аспекта: 1) стилистическая квалификация фразеологизмов и 2) разработка типологии фразеологических трансформаций. Первый аспект оказался чрезвычайно трудным и для каждого славянского языка имеет свою специфику. Трудности стилистической характеристики ФЕ вытекают прежде всего из их поликомпонентного состава: из двух, трёх и более компонентов устойчивого словосочетания каждый может обладать разной стилистикой. Так, в весьма простых по структуре и семантике выражениях типа рус. *бить баклуши*, укр. *бити байдики*, бел. *бібікі біць*, пол. *zbijać baki* ‘бездельничать’ глагольные компоненты стилистически нейтральны, а все субстантивные являются типичными диалектизмами. Комбинация нейтрального с диалектным, как это ни парадоксально, даёт третий результат — коллоквиальный, ибо эти обороты можно квалифицировать именно как разговорные. Вообще, по наблюдениям многих исследователей, большинство ФЕ любого славянского языка относятся именно к разговорному стилю, что до сих пор не нашло адекватного отражения в виде последовательных стилистических помет в существующих толковых, переводных и даже специально фразеологических словарях. Ещё более не разработана стилистическая параметризация ФЕ по функционально-семантическому и экспрессивно-эмоциональному диапазону.

Типология фразеологических трансформаций в славистике разработана уже чрезвычайно детально, отражая всю гамму стилистических преобразований словосочетаний и у конкретных авторов, и в современной публицистике. Конкретные исследования развеяли миф о том, что трансформации ФЕ являются ‘индивидуально-авторскими’: большинство из них воспроизводится разными авторами в достаточно сходных и типологизируемых моделях, которые поддаются не только достаточно точному исчислению (см., напр., одну из самых полных классификаций фразеотрансформ: Вакуров 1983), но и последовательно лексикографической обработке (Мелерович, Мокиенко 2005). Сопоставление типов фразеологических трансформаций в разных славянских языках показывает их типологическое сходство. Близкая проблематика стала

и основой лингвистического изучения так называемых „антипословиц” (Вальтер, Мокиенко 2005), типы трансформаций которых во многом близки к классификациям, предложенными для немецкого и английского материала В. Мидером и А. Литовкиной (Litovkina, Mieder 2005). Результаты этого направления стилистических штудий во фразеологии убедительно демонстрируют креативные потенции языка. Более того, — такие исследования дают основу для несколько парадоксального психолингвистического заключения: не отдельные писатели, поэты, журналисты и шоумены преобразуют фразеологизмы индивидуально, но, наоборот, — сам язык, его устойчивые комбинации слов подталкивают автора к индивидуально-авторским преобразованиям, диктуют ему тип творческого обращения со словом. Тем самым основной массив так называемого „индивидуального” во фразеологии является моделируемым, структурируемым и типологизируемым.

К стилистическому блоку исследования славянской фразеологии несомненно относится и актуальная сейчас лингвистическая и культурологическая **проблема интертекста**. Фразеология и интертекстемика тесно взаимосвязаны, хотя и не полностью перекрывают друг друга (Mokienko 2003). С одной стороны, эта проблема уходит в древнейшую филологическую проблему взаимодействия слов и словосочетаний с текстом, с другой — ставит задачу специально лингвистического подхода к таким строевым единицам языка, как т. наз. крылатые слова. Хотя интерес к крылатым словам в Европе имеет давнюю традицию, начинаясь знаменитым собранием Г. Бюхмана (Büchmann 1864), собственно языковые параметры их до сих пор точно не исследованы, из-за чего словники соответствующих собраний чрезвычайно различны как по объёму, так и по качеству. Разные подходы к этим языковым единицам отразились и в различных их наименованиях (*интертекстема*, *логоэпистема*, *эптоним* и др.). Актуальной проблемой славистики здесь является составление двуязычных и многоязычных словарей интертекстом. В этом направлении сделаны пока лишь первые шаги (Orłóś, Hornik 1996; Chlebda, Mokijenko, Szuleżkowska 2003). Но и эти два межславянских словаря крылатых слов показывают, что в славянской интертекстемике немало и общего, и национально специфичного. Главное же, — её сопоставление вскрывает корни исторических, политических и культурных взаимоотношений славян с неславянскими народами и культурами.

Если фронтальное сопоставление крылатых слов и выражений Славии лишь начинается, то **сопоставление идиоматики** (т.е. фразеологии в узком смысле термина) изначально стало одной из актуальных исследовательских и практических задач в нашей дисциплине. Как уже

говорилось, увлечение синхронной функционально-стилистической классификацией фразеологии сразу же породило попытки применить эту классификацию в переводческой практике. И хотя прямолинейной аппликации к теории и практике перевода такая классификация не нашла (ср. труды А. В. Фёдорова, Й. Левого, С. Влахова и С. Флорина и др.), сама фразеологическая специализация этой проблемы дала в целом эффективные результаты. Были разработаны основные приёмы удачного перевода ФЕ, обобщены наблюдения о методе „компенсации” при фразеологических трансформах и игре слов, созданы пособия по переводу и, быть может, главное — выпущены монументальные двуязычные или многоязычные словари, где русская, украинская, польская, чешская, словацкая, верхнелужицкая, болгарская, хорватская фразеология сопоставлялась или с инославянской (особенно значима здесь серия русско-славянских и славяно-русских специализированных словарей), либо с немецкой, английской, французской, итальянской, испанской, армянской, китайской и др. Именно словарная работа и здесь, как и при разработке других спорных проблем фразеологии, стала пробным камнем теории национальной специфичности и непереводаемости идиоматики. Оказалось, что практически возможен полифункциональный, семантически и стилистически адекватный перевод фразеологии на другие языки, что и для этой области языка нет „непереводаемого в переводе”. Тем не менее, развитие и дальнейшая шлифовка принципов адекватного перевода несомненно необходима.

С сопоставительным и транслятологическим аспектами тесно связана **проблема изучения фразеологии** как в школах и вузах с родным языком учащихся, так и в иностранной аудитории. Этим фразеологическими специалистами также немало занимались и занимаются. Не случайно специально методической проблеме была посвящена одна из международных конференций, организованных Фразеологической комиссией (*Frazeológia vo výchove, vede a kultúre* 1992). И эта проблема, как и другие, полифонична и содержит немало до конца не исследованного. Так, до сих пор мы не имеем фразеологических словарей-минимумов для носителей разных языков, для разного этапа обучения и разной профессиональной ориентации; мало специализированных учебников типа *English through Idioms*, раскрывающих специфику ФЕ при освоении славянских языков. Ни в одной славянской стране (как, впрочем, и во всей Европе) до сих пор не создано частотного фразеологического словаря, на основе которого и можно было бы создавать „минимизацию” учебного материала.

Внимание к обучению славянской фразеологии в иноязычной аудитории, тем не менее, сыграло весьма значимую роль как в теории,

так и в практике фразеологии. Именно дидактические устремления привели и в нашей дисциплине к возвращению в лоно старейшей лингвистической проблемы — проблемы „Слова и Вещи”, т.е. корреляции языка и действительности. Начиная от Яна Амоса Коменского и Вильгельма Гумбольдта эта проблема не снималась с повестки дня языкознания, хотя и каждый раз получала иную интерпретацию и претендовала на абсолютную теоретическую новизну. В недрах методики обучения русскому языку как иностранному в 70-е гг. XX века родилось **лингвострановедение** (Е. М. Верецагин, В. Г. Костомаров). Будучи прямым продолжением традиционного немецкого и европейского *Landeskunde*, эта дисциплина в Советском Союзе была несколько идеологизирована, но тем не менее оказалась полезным инструментом демонстрации национально маркированных элементов языка в зеркале фразеологии. Лингвострановедческие учебные пособия и словари (напр., Фелицына, Мокиенко 1990; Minakova 2002) ориентировались не только на описание синхронных семантических и стилистических характеристик фразеологии, но и на её диахронические параметры, ибо именно во внутренней, исходной форме ФЕ и скрыта та „кумулятивная” информация, которая необходима изучающему иностранный язык. И здесь, как видим, две линии исследования фразеологии, наметенные её основателями, достаточно органично пересекаются, требуя углублений и коррекций.

Интерес к культурологической информации, закодированной в традиционной идиоматике, давно уже прямо связывался и с таким аспектом её исследования и практического описания, как **идеография**. Ведь именно идеографическая представленность ФЕ во всех славянских языках отражает её семантическую специфику. По сравнению с лексикой, фразеология является не собственно номинативной сферой обозначения действительности, а сферой коннотативной, категориально оценочной и экспрессивной. Специфика фразеологической идеографии заключается в её концентрированно антропоморфном характере, т.е. сосредоточении на тех семантических полях, которые оценочно и экспрессивно характеризуют человека и его деятельность. Именно поэтому число таких полей намного уступает номинативной сетке идеографии лексической.

В идеографическом аспекте особенно ярко отражается постоянное **взаимодействие синхронии и диахронии** во фразеологической системе. Культурологическая информация, аккумулированная во внутренней форме ФЕ, нередко задаёт тон их функционально-семантическим характеристикам, что приводит при идеографических классификациях фразеологии к смешению синхронии и диахронии

и подаче её ретроспективной семантики в качестве актуальной, синхронной. Вот почему необходимо чётко разграничивать два принципа идеографической и тематической классификации — классификацию „по горизонтали”, ориентированную лишь на переносную, функционально-семантическую ипостась ФЕ, и „по вертикали”, т. е. углублённую в её внутреннюю форму, в её исходное значение, реконструируемое с помощью историко-этимологического и сопоставительного анализа (Мокиенко 1982). Такое разграничение весьма важно и для практических целей — напр., при составлении лингвострановедческого фразеологического словаря (Фелицына, Мокиенко 1990).

Взаимодействие синхронии и диахронии, пронизывающее фразеологическую систему, характерно практически для всех аспектов её исследования. Некоторые из них, имея чисто синхронную направленность, становятся чрезвычайно важными для **историко-этимологического исследования** славянской фразеологии уже потому, что сам языковой материал, „добываемый” таким анализом, раскрывает диахроническую подоплёку многих ФЕ. Так, диалектология и социолектология или сопоставительный анализ ФЕ, имея в синхронной плоскости свои цели и задачи, многое дают для построения научной методики историко-этимологического анализа. Именно невнимание к диалектным (включая и социолекты) фактам и неучёт материала других (особенно родственных) языков превращает историческую фразеологию в герменевтику, для которой истинная мотивация ФЕ или народно-этимологическая имеют равную ценность. Упомянутая работа Б. А. Ларина по украинской диалектной фразеологии дала уже давно мощный импульс для серьёзного описания диалектной фразеологии русского (Л. А. Ивашко, А. И. Фёдоров, Л. И. Ройзензон, И. А. Подюков, К. Н. Прокошева и др.), украинского (А. А. Ивченко, В. И. Лавер, В. Д. Ужченко и др.), белорусского (А. С. Аксамитов, И. Я. Лепешев, Ф. М. Янковский, Г. Ф. Юрченко и др.), польского (S. Bała, A. Krawczyk), чешского (Z. Holub), словацкого (J. Mlasek), хорватского (M. Menas-Mihalić) и др. языков. Эти исследования многое разъясняют в спорных случаях историко-этимологического анализа славянской фразеологии, помогут установить точные ареалы её структурно-семантических моделей, отделить исконно славянское от заимствованного, реконструировать до сих пор отсутствующий гипотетический корпус праславянской фразеологии. Тем более, что методика такой реконструкции, во многом построенная именно на учёте диалектного материала, уже создана такими исследователями как Н. И. Толстой, Р. Эккерт, В. Айсманн, А. Ивченко, В. И. Коваль, Л. И. Степанова, А. Бирихом

и др. Задачи будущего диахронического исследования славянской фразеологии весьма многочисленны и охватывают: 1) усовершенствование собственно лингвистической методике её анализа; 2) учёт и накопление диалектного материала всех территорий Славии; 3) рассмотрение славянских ФЕ (включая интертексты) в широком европейском языковом контексте; 4) рассмотрение ФЕ в тесной связи с единицами других языковых уровней — особенно лексемами и пословицами; 5) исследование истории ФЕ как социально маркированных языковых единиц; 6) выявление культурологической основы внутренней формы ФЕ с помощью лингвистической методике анализа (подробнее см.: Mokienko 2007).

Каждая из названных диахронически устремлённых задач имеет, как легко увидеть, и свою синхроническую проекцию. Так, последняя задача — выявление культурологической основы ФЕ — тесно связана с самым популярным в современной славистике (особенно — русистике) направлением — когнитивизмом, с **реконструкцией „языковой картины мира”** как национально маркированного феномена. Такие поиски принесли во фразеологию немало ценного, заставили вновь сосредоточиться на вечной проблеме гуманитарных наук — взаимоотношении Слова и Вещи, языка и обозначаемой им действительности. Благодаря концентрации усилий многих славистов (особенно русистов) на когнитивных аспектах языка за эти годы удалось последовательно и целенаправленно описать многие культурологические секторы славянской речи — концепты судьбы, труда и безделья, любви и ненависти, жизни и смерти, своего и чужого, времени и пространства, количества и качества и др. На эти темы написаны многочисленные монографии и статьи, им посвящены специальные конференции и симпозиумы (см., напр., *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*, 2005), а результаты основательных исследований А. Вежбицкой, Н. Ю. Шведовой, С. М. Толстой, В. Н. Телии, Т. М. Николаевой, Н. А. Алефиренко, Т. И. Вендиной и других лингвистов на данную тему обогатили лекционные курсы университетов.

Бурный расцвет когнитологии как элитной лингвистической дисциплины и во фразеологии принёс обильные плоды, повысил интерес к экстралингвистической информации, таящейся в недрах фразеологизмов. Внимание к когнитивизму и успехи, достигнутые в исследовании языка в концептологическом спектре, вполне объяснимы извечной необходимостью видеть в языковой системе неотделимую часть экстралингвистической реальности. К сожалению, далеко не все, кто увлечён поисками языковой картины мира и концептуальным анализом, осознают в полной мере эту извечность. А ведь и в трудах Яна Амоса Коменского, Вильгельма Гумбольдта, представителей классического направления

„Слова и Вещи”, последователей ещё недавно востребованной методики семантического поля или лингвострановедения, были обнаружены многие явления и, что особенно важно, — собственно языковые факты, которые и перекрывают добытые с помощью когнитивизма выводы, и существенно корректируют их. Без обращения к трудам наших предшественников мы, когнитологи, рискуем вращаться в кругу уже давно найденных решений (или, говоря фразеологически, постоянно становиться „изобретателями велосипеда”). Скепсис в отношении к „новизне” интересующей нас когнитивной методике у некоторых современных фразеологов поэтому можно понять. Так, немецкая лингвистка А. Левин-Штайнманн весьма критически оценивает исследования концептов, стереотипов и языковой картины мира как теорию, претендующую на некое новое открытие в лингвистике. „Взаимодействие многих познавательных систем и тем самым разных научных направлений не обязательно ведёт к новой методологии, как утверждается представителями «культурной лингвистики», — пишет она. — Собственная проблема здесь состоит в выборе или поисках верной концепции из множества уже существующих и удовлетворяющих потребности разных наук, а отнюдь не в необходимости создания новых теорий” (Levin-Steinmann 2007: 351). При этом она вслед за В. Айсманном (Eismann 2001: 119) достаточно аргументированно опровергает известное утверждение В. Н. Телии, что русский фразеологизм *женщина — лакомый кусок* (Телия 1996: 264) является типично русской мужской метафорой и тем самым якобы раскрывает определённый фрагмент русской языковой картины мира. А. Левин-Штайнманн при этом со знанием дела констатирует, что и женщины с удовольствием называют мужчин (во всяком случае любимых ими) „сладкими” и „аппетитными”. Причём это характерно не только для немецких женщин, как можно подумать: Левин-Штайнманн провела обследование и в русском интернете, показавшее, что эпитеты *сладкий* и *аппетитный* употребляют по отношению к мужчинам и русские женщины (Levin-Steinmann 2007: 348). Тем самым древняя как мир проблема соотносимости гендерной оценки мужчины и женщины в русском языке из сугубо национальной возвращается в круг глобально человеческих оппозиций, давно сформулированных и этнографами, и мифологами, и культурологами.

Как и в гендерной проблематике, национальная специфика фразеологии переоценивается и в других семантических блоках, которые ею обозначаются (Мокиенко, Николаева 2001). Характерна в этом отношении интерпретация некоторыми фразеологами-русистами такого экспрессивного поля, как „Пьянство”. Анализируя русские

фразеологизмы, характеризующие это явление, один из современных исследователей делает такой, типичный для искателей собственно русской картины мира, вывод: „Итак, русская фразеология является отражением культуры русского народа. В единицах фразеосемантической группы «опьянение» отразились: 1) физическое состояние опьянения, в котором пребывает субъект; 2) степень опьянения субъекта; 3) состояние опьянения как причина совершаемых действий, составляющие соответствующие микрогруппы данной группы. ФЕ, входящие во фразеосемантическую группу «опьянение», представляют собой уникальный лингвокультурологический материал, изучение которого способствует более глубокому пониманию «загадочной» русской души” (Цыганков 2007: 109). Автор, увлечённый действительно „уникальным” фразеологическим материалом, и не замечает, куда его привели поиски „загадочной русской души”.

Известно, что сам конструкт „русской души” — мифологема, рождённая на основе европейских, гердеровских представлений о национальном духе (Lauer 1997; Мокиенко, Николаева 2002) и сопоставима с духом любого народа (например, — *German Geist*’ом). Алкогольный дух (*spiritus*) во фразеологическом преломлении также не имеет ничего общего с сугубо национальным характером русских, немцев, поляков или чехов. Семантическое поле „Пьянство” — одна из мощных фразеологических универсалий, характерных для всех языков Европы. И „троичная” классификация русской фразеологии по стадиям опьянения (кстати говоря, весьма неполная) воспроизводима абсолютно во всех из них.

Семантическое поле „Пьянство” уже более ста лет в славистике стало объектом исследования и благодатным материалом для лексикографических обобщений. Конечно, попытки его описания предпринимались в разное время в разных странах в разных „дозировках”. Известный польский поэт и переводчик Юлиан Тувин, например, издал в 1933 году *Słownik pijacki*, который был недавно переиздан с дополнениями (Tuwim 2000). За 20 лет до него чешский этнограф Ченек Зибрт выпустил небольшую брошюрку с говорящим названием: *Kolikrát Čech může říci: jest opilý* (Zibrt 1913) с представительным подбором синонимов, обозначающих пьяного человека. Русский этнограф П. Тиханов ещё ранее, в 1904 г. (Тиханов 1904), издал небольшую брошюрку под „закодированным” названием *Криптогlossарий*, в которой даётся список около 100 русских разговорных и просторечных слов и выражений на тему „выпить”. Также и немецкая лингвистика и лексикография давно и плодотворно обрабатывает это семантическое поле. Достаточно сказать, что уже в 1890 году в Берлине было издано обширное

семасиологическое исследование Германа Шрадера *Das Trinken in mehr als 500 Gleichnissen und Redensarten*, в котором сделана попытка представить интересующую нас лексику и фразеологию как единую семасиологическую систему (Schrader 1890). И не случайно самый большой словарь современной „алкогольной” лексики и фразеологии составлен под редакцией Х. Вальтера и издан именно в Германии (*Русский алкословарь-справочник* 2005). В нём описано свыше 4 тысяч слов и оборотов, характеризующих это явление.

Сопоставление такого материала убедительно свидетельствует, что сугубо национальной специфики ни в самом древнейшем феномене пьянства, ни в его языковой картине найти невозможно. Невозможно даже тогда, когда на поверхностный взгляд она представлена эксплицитно — например, в сравнениях типа чеш. *pít jako Dán, pít jako Holendr, pít jako Flandr, pít jako Rus*, словацк. *pit' ako Rus*, хорв. *piti kao Rus*, словен. *pijan kot mavra*, макед. *nue како Рус*, болг. *пия като казак*, фр. *boire comme un Polonais*, нем. *trinken wie Tausend Schweden* и т.п. Структурно-семантический и историко-этимологический анализ показывает, что за этими национально маркированными сравнениями стоит лишь универсальная для фразеологических систем разных языков семиотическая оппозиция „СВОЙ — ЧУЖОЙ”, ко второму полюсу которой обычно и относят отрицательно коннотированные характеристики (Mokienko 1973). Собственно, в интересующем нас фразеологическом поле эта оппозиция „работает” и для сравнений не только с этнонимическим компонентом, но и с анималистическим, профессиональным, социальным и т.п. Вот характерная выборка такого рода из новейшего многоязычного словаря славянских сравнений под ред. Ж. Финк: хорв. *pijan kao majka*, макед. *пијан како мајка*, болг. *пиян като поп на задушница*, укр. *п'яний як сапожник (швець)*, рус. *пьяный как сапожник*, пол. *pijan jak bak*, чеш. *vožralej (nachcanej) jako děvka*, словацк. *ožratý ako doga pohonič, kočiš na Nový rok* (Fink 2006: 236); хорв. *napiti se kao stoka*, словен. *napiti se kot živina*, макед. *се напиуе како стока*, болг. *напия се като животно*, укр. *напитися як худобина (скотина)*, рус. *напиться как свинья*, пол. *upić się jak bydło*, чеш. *ožrat se jako dobytek*, словацк. *opitsa ako hovädo dobytek* (Fink 2006, 304); хорв. *piti kao Rus*, словен. *piti kot goba*, макед. *nue како Рус*, болг. *пия като казак*, укр. *пити як швець (сапожник)*, рус. *пить как сапожник*, пол. *pić jak szewc*, чеш. *pít jako Rus (Dán)*, словацк. *pit' ako Rus* (Fink 2006: 291). Обратившись к любому другому европейскому языку, легко обнаружить общий *tertium comparationis* к славянским оборотам. Таков, например, французский материал, где все основные семантические модели равноположены славянским: *boire comme un chanfre* ‘пить как

певчий', *boire comme une éponge* 'пить как губка', *boire comme un évier* 'пить как сточный жёлоб; как водопроводная раковина', *boire comme un grenadier* 'пить как гренадёр', *boire comme un Polonais* 'пить как поляк', *boire comme un pompier* 'пить как пожарный', *boire comme un sonneur* 'пить как звонарь', *boire comme un templier* 'пить как тамплиер (рыцарь-храмовник)', *boire comme un tonneau* 'пить как бочка', *boire comme un trou* 'пить как дыра', *boire comme un troupiér* 'пить как служивый солдат' (Гак, Мурадова и др. 2005: 172).

Как видим, выводить из универсально человеческого национально специфическое — методологически некорректная процедура, ведущая не только к ложным, но и к националистическим выводам. И независимо от того, глорифицирует ли такая псевдолингвистическая процедура какие-то фрагменты языковой картины мира или, наоборот, чернит их, объективный исследователь должен уклоняться от соблазна упрощённой характеристики национального. А это можно сделать лишь тогда, когда поиски языковой картины мира будут вестись не на материале одного языка (что нередко в исследователях русистов), а будут обязательно оснащены сопоставительным межъязыковым анализом с учётом культурологического фона каждого из них. При таком подходе, собственно говоря, фразеология вновь обретёт единство аспектов исследования синхронической и диахронической проекций, столь важное для развития этой самостоятельной лингвистической дисциплины.

В настоящем тексте нельзя было отразить всей полифонии проблем, которые интересуют фразеологов-славистов разных стран. Отдельные статьи можно было бы посвятить многим проблемам, которые здесь упомянуты лишь вскользь, напр., одноязычной, сопоставительной, диалектной и исторической фразеологии и паремиологии, которые стали мощной отраслью нашей науки и практики в силу своей социальной востребованности. Нельзя, однако, не сказать в заключение следующее. Готовя свой доклад, я ещё раз просмотрел многие (а их уже более 100) фразеологические сборники, вышедшие после наших конференций начиная с VII Международного конгресса славистов 1978 года в Загребе, когда по инициативе Никиты Ильича Толстого была создана Фразеологическая комиссия, возглавленная профессором Йосипом Матешичем. С момента своего создания мы сделали проведение широкомасштабных международных конференций фразеологов-славистов главной своей задачей. И чем дальше развивалось наше сотрудничество, тем больше было фразеологических инициатив в разных странах и тем больше специализированных фразеологических конференций проводится. Именно их материалы изданы в виде солидных научных сборников, где во многом уже решены те актуальные проблемы исследования сла-

вянской фразеологии, о которых я кратко напомнил в докладе. Хочется с благодарностью вспомнить всех, кто принимал на себя нелегкое бремя организации таких конференций в Польше, в Словакии, в Болгарии, в России, в Германии и других странах — профессоров Й. Матешича, М. Басая, В. Хлебду, М. А. Алексеенко, Й. Млацека, Я. Складану, П. Дюрчо, Д. Балакову, С. Георгиеву, Н. Ф. Алефиренко и др. Можно быть уверенным, что столь же заметной вехой для нас, фразеологов, станет и XIV конгресс славистов в гостеприимной Македонии.

ЛИТЕРАТУРА

- G. Büchmann: *Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des deutschen Volks*. Ges. und erl. von Georg Büchmann. Berlin: Haude und Spener 1864.
- W. Chlebda: *Frazeologia polska okresu „przemiany i przelomu“*. В кн.: *Współczesna polska i słowiańska sytuacja językowa*. Red. S. Gajda, A. Vidovič Muha. Opole 2003.
- W. Chlebda, W.M. Mokienko, S.G. Szuleżkova: *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem 2003.
- R. Eckert, K. Günther: *Die Phraseologie der russischen Sprache*. Leipzig; Berlin; München [u.a.]: Langenscheidt-Verlag Enzyklopädie 1992.
- W. Eismann: *Phraseologie*. В кн.: *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen*. Hrg. von Helmut Jachnow. Wiesbaden: Harrasowitz-Verlag 1999.
- W. Eismann: *Jenseits der Weltbild-Phraseologie. Vergessene psychoanalytische Perspektiven in der Phraseologie*. В кн.: Häcki Buhofer et al. (Hrsg.). *Phraseologiae Amor. Aspekte europäischer Phraseologie*. Hohengehren 2001.
- Ž. Fink-Arsovski: *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Autorica rječnika Ž. Fink Arsovski. Autorice i suradnice po jezicima: Ž. Fink Arsovski, E. Kržišnik, S. Ribarova, T. Dunkova, N. Kabanova, I. Mironova Blažina, R. Trostinska, A. Spagińska Pruszk, I. Vidović Bolt, D. Sesar, M. Dobriková, M. Kursar. Zagreb: KNJIGRA 2006.
- Frazeografia słowiańska*. Red. M. Balowski, W. Chlebda. Opole 2000.
- Frazeológia vo výchove, vede a kultúre*. В кн.: В кн.: *2nd International Conference on Phraseology*. Nitra 1992.
- Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*. Red. W. Chlebda. Opole 2005.
- Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. Т. 3: *Frazeologia*. Red. W. Mokienko, H. Walter. Opole 2008.
- R. Lauer: *Die russische Seele*. (= Burstfelder Universitätsreden. Hsg. von L. Perlit. Abt von Bursfelde, № 15). Göttingen: Verlag Göttinger Tageblatt GmbH&Co. 1997.
- A. Levin-Steinmann: *Kritisches zu Schlüsselkonzepten, Stereotypen und Weltbildern*. В кн.: *Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag*. Hsg. von P. Deutschmann unter Mitarbeit P. Grzybek, L. Karničar, H. Pfandl. Wien: Praesens Verlag 2007.
- A. Litovkina, W. Mieder: *Old Proverbs Cannot Die*. В кн.: *Zhey Just Diversify: A Collection of Anti-Proverbs*. Burlington: The University of Vermont, Veszprém: The University of Veszprém 2005.
- E. Minakova: *Moderne russische Idiomatik. Современная русская идиоматика*. В кн.: *Russisch als Fremdsprache. Materialien zum Russischunterricht*, Bd. 5. Hamburg: Helmut Buske Verlag 2002.

- A. Menac: *Hrvatska frazeologija*. Zagreb: KNJIGRA 2007.
- J. Mlacek: *Tvary a tváře frazém v slovenčine*. Bratislava: STIMUL 2007.
- J. Mlacek: *Štvrtstoročie činnosti frazeologických komisií*. „Slovenská reč“ 2007 [a], ročn. 72. № 2.
- V. Mokienko: *Pije jako holendr — nebo jako Holendr?* „Naše řeč“ (Praha) 1973, № 2.
- V. Mokienko: *Intertexteme und Text in slavischen Sprachen*. В кн.: *Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana*. Hrsg. T. Berger, K. Gutschmidt. München: Verlag Otto Sagner 2003.
- V. Mokienko: *Historische Phraseologie der slawischen Sprachen*. В кн.: *Phraseologie. Phraseology. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. An International Handbook of Contemporary Research*. Hsg. Von H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, N. R. Norrick. 2. Halbband (Volume 2). Walter de Gruyter: Berlin-New York 2007.
- T.Z. Orłoś, J. Hornik: *Czesko-polski słownik skrzydlatych słów*. Kraków: Universitas 1996.
- J. Petermann, B. Hansen-Kokorus, T. Bill: *Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch*. Hrsg. von J. Matešič. Wissenschaftliche Redaktion: A. Bierich, O. Dobrowol'skij. Redaktion: E. L. Rymaševskaja. Leipzig-Berlin-München-Wien-Zürich-New York: Langenscheidt-Enzyklopädie 1995.
- Rusko-hrvatski ili srpski frazeološki rječnik*. D. 1–2. Red. A. Menac. Zagreb 1979–1980.
- G. Schrader: *Das Trinken in mehr als 500 Gleichnissen und Redensarten*. Berlin 1890.
- J. Tuwim: *Polski słownik pijacki*. Wstępem zaprawił J. Pilch. Suplementem doprawił P. Bikont. Warszawa: Lech Majewski Studio 2000.
- Č. Zibrť: *Kolikrát Čech může říci: jest opilý*. „Vydrovy besedy“ (Praha) 1913, № 13.
- Русский алкословарь-справочник или Весёлая наука выпивать. Учебные материалы по социолингвистике*. Сост. Е. Алварт, О. Вовк, Г. Киллат, Л. Могучая, К. Пралат, Т. Руд, Р. Харабин, К. Шпромэк, Х. Вальтер. Под руководством Х. Вальтера. Greifswald 2005.
- И. Е. Аничков: *Труды по языкознанию*. Составитель и отв. ред. проф. В. П. Недеялков. СПб.: «Наука» 1997.
- А.К. Бирих, С.С. Волков, Т.Г. Никитина: *Словарь русской фразеологической терминологии*. Под ред. проф. В. М. Мокиенко. Hsg. von A. Bierich. München: Verlag Otto Sagner 1993.
- В.Н. Вакуров: *Основы стилистики фразеологических единиц*. М.: Изд-во Моск. ун-та 1983.
- Х. Вальтер, В.М. Мокиенко: *Антипословицы русского народа*. СПб.: Издательский Дом „Нева“ 2005.
- С. Велковска: *Белешки за македонската фразеологија*. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“ 2002.
- К. Велјановска: *Фразеолошките изрази во македонските јазик*. Со осврт на соматската фразеологија. Куманово: Македонска ризница 2006.
- В.В. Виноградов: *Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины*. В кн.: *Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та. 1819-1944. Секция филол. наук*. Л. 1946 [То же см.: Виноградов 1977].
- В.В. Виноградов: *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке*. В кн.: *А. А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов*. М.–Л. 1947.
- В.В. Виноградов: *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Отв. редактор тома В. Г. Костомаров. М.: «Наука» 1977.
- Б.А. Ларин: *Очерки по фразеологии*. „Учен. зап. Ленинг. ун-та“ 1956, № 198. Сер. филол. наук, вып. 24 [То же в.: Ларин 1977].

- Б.А. Ларин: *Про народну фразеологию*. „Українська мова в школі” 1959, № 20 [То же на рус. языке: *О народной фразеологии* в: Ларин 1977].
- Б.А. Ларин: *История русского языка и общее языкознание (избранные работы)*. М.: Просвещение 1977.
- А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко: *Фразеологизмы в русской речи. Словарь*. Изд. 3-е. М.: «Русские словари, Астрель» 2005.
- В.М. Мокиенко: *О тематико-идеографической классификации фразеологизмов*. В кн.: *Словари и лингвострановедение*. Под ред. Е. М. Верещагина. М.: «Русский язык» 1982.
- В.М. Мокиенко: *Фразеология в уровневой иерархии языковой системы*. В кн.: *Frazeologia slowiańska i inne płaszczyzny systemu językowego*. Pod redakcją J. Bartoszewskiej, W. Mokijenko, H. Waltera. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego 2004.
- В.М. Мокиенко, Е.К. Николаева: *Актуальные проблемы лингвистической теории и практики преподавания русского языка и культуры речи*. СПб: Филологический факультет СПбГУ 2001.
- В.М. Мокиенко, Е.К. Николаева: *Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира*. „Rossica Olomucensia”. XL (za rok 2001), 1. část. Olomouc 2002.
- В. Г. Гак, Л. А. Мурадова и др.: *Новый большой французско-русский фразеологический словарь. Более 50 000 выражений*. Ред. В. Г. Гак. М.: Рус. яз.–Медиа 2005.
- В.Н. Телия: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Школа «Языки русской культуры» 1996.
- П. Тиханов: *Криптогоссарий. Представление глгола „выпить”*. СПб.: «Типография В.С.Балашева» 1904.
- В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко: *Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь*. Под ред. Е. М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М.: «Русский язык» 1990.
- С.Б. Цыганков: *Отражение русского менталитета в семантике единиц фразеологической группы „опьянение”*. В кн.: *Знание. Язык. Культура. Материалы Международной научной конференции „Славянские языки и культура”, Тула, 17–19 мая 2007 г.* Тула: изд-во „Петровская Гора” 2007.

Valerij M. Mokienko

CONTEMPORARY RUSSIAN AND SLAVIC PHRASEOLOGY (SYNCHRONY AND DIACHRONY)

Summary

The article deals with the general problems of contemporary Russian and Slavic phraseology. Such problems as the evolution of definitions of the central terms of this linguistical discipline (*phraseologism, phraseological unit, idiom*), its boundaries, the national specifics, cognitiv potencial and typological universality, the translatability, the variability of the phraseology are especially regarded. The relations between idioms and proverbs, collocations and so called winged words are also interpreted. Diachronically the author proposes systematical methods of the comparative, historical and etymological analyses of Russian and Slavic phraseology and gives concrete examples of such an analyses.

Walerij M. Mokijenko

WSPÓLCZESNA FRAZEOLOGIA ROSYJSKA I SŁOWIAŃSKA
(SYNCHRONIA I DIACHRONIA)

Streszczenie

Artykuł porusza ogólne problemy współczesnej frazeologii rosyjskiej i słowiańskiej. Szczegółowemu rozpatrzeniu poddano takie problemy, jak ewolucja definicji głównych terminów tej dyscypliny lingwistycznej (*frazeologizm, związek frazeologiczny, idiom*), jej granice, nacechowanie narodowe, potencjal kognitywny i uniwersalność typologiczna, kwestia przetłumaczalności, wariantowość frazeologiczna. Autor porusza także kwestię relacji między idiomami i przysłowiami, kolokacjami i skrzydlatymi słowami. Autor proponuje zastosowanie systematycznej metody diachronicznej i daje konkretne przykłady porównawczej, historycznej i etymologicznej analizy frazeologii rosyjskiej i słowiańskiej.